

§7 ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Белькович Р. Ю.

СУБЪЕКТ СЕЦЕССИИ: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено теоретическому осмыслению конструкции субъекта сецессии. Феномен сецессии представляет угрозу сложившемуся политико-правовому порядку на международном и национальном уровнях, так как современное право исходит из приоритета территориальной целостности государства. В то же время, большинство современных демократических государств претендуют на договорный характер осуществляемой ими власти. Автор рассматривает вопрос о том, в какой мере противопоставление конструкций «народа» (как заведомо легитимного носителя власти, обладающего правом на политическое самоопределение) и «субъекта сецессии» (как потенциального нарушителя территориальной целостности) является теоретически противоречивым и отражает репрессивные тенденции современного государства. В качестве основного похода автор использует принцип методологического индивидуализма, предполагающий сведение любых социальных феноменов к поведению отдельных индивидов. Автор впервые рассматривает сецессию как проявление внутренних противоречий государственности, возникшей в новое время. Автор приходит к выводу о том, что сецессия не может рассматриваться как «чрезвычайная ситуация», так как само существование современного государства, основанного на принципе народовластия, предполагает сецессию как необходимую форму самоопределения индивидов.

Ключевые слова: сецессия, самоопределение, государство, суверенитет, народ, революция, территориальная целостность, международное право, плюрализм, демократия.

Review. The present study is dedicated to the theoretical consideration of the construction of the subject of secession. The phenomenon of secession threatens the established political and legal order both on global and national levels, as modern law is based on the priority of territorial integrity of the state. At the same time, the majority of modern democratic states pretend that the power exercised by them is of contractual nature. The author examines the question, to what extent the contraposition of the constructs of «nation» (as an admittedly legitimate power holder, having the right for political self-determination) and «subject of secession» (as a potential violator of territorial integrity)

Данное научное исследование № 14–01–0084 выполнено при поддержке Программы
«Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

is theoretically contradictory and reflects repressive trends of a modern state. The author uses the principle of methodological individualism as the main approach, which implies narrowing of any social phenomena to the behaviour of certain individuals. For the first time the author considers secession as an expression of internal contradictions of statehood, which emerged in the modern era. The author comes up with a conclusion that secession cannot be regarded as an «emergency», since the very existence of a modern state, based on the principle of the rule of the people, implies secession as a necessary form of the self-determination of individuals.

Keywords: international law, territorial integrity, revolution, people, sovereignty, state, self-determination, secession, pluralism, democracy.

Начиная с периода деколонизации во второй половине XX века явление сепарации оказалось в фокусе внимания исследователей проблем политики и права. Практически каждое десятилетие после Второй мировой войны человечество сталкивалось с серьёзными (чаще всего — вооружёнными) конфликтами, возникавшими на почве попыток отделения части территории существующего государства с целью создания нового политического образования. Феномен сепарации является частью политико-правовой реальности современного мира, закрывать глаза на который невозможно. Однако существует целый ряд вопросов, остающихся дискуссионными в академической литературе — более того, интенсивность дебатов по тем или иным аспектам теории и практики сепарации в последние годы только нарастает.

Одной из проблем, связанных с сепарацией, является вопрос о субъекте сепарации. Иначе говоря — какая социальная группа имеет право на самоопределение в форме отделения от существующего государства? В литературе существуют разные точки зрения на этот счёт. Некоторые авторы придерживаются сложившегося в период распада колониальной системы принципа *salt water test*, признавая право сепарации только за колониальными территориями бывших империй (либо за субъектами структурно схожих отношений) — эту точку зрения разделяют в основном представители юридического сообщества^[10]. Другие авторы расширяют круг субъектов, включая в него все те группы (чаще всего — этнические), которые не имеют возможности самоопределения в рамках существующего государства в силу репрессивных практик последнего — эта точка зрения получила название «теории справедливой причины»^[7,8,9]. Отдельные работы содержат наиболее «либеральное» отношение к сепарации, предполагающее возможность отделения любой группы при соблюдении ряда требований (прежде всего — воспроизводства демократического типа властных отношений в рамках новообразованного государства) — т.н. плебисцитарная те-

ория^[6,14]. Однако следует помнить, что академические дискуссии по большому счёту не выходят за пределы научной среды, так как на практике мы имеем дело с фактическим запретом на сепарацию в международном (а тем более — в национальном) праве. Конкретные случаи сепарации практически всегда носят чрезвычайный характер, а их признание (или отказ в признании) другими государствами осуществляется *ad hoc* и полностью зависит от политической конъюнктуры момента.

Нам представляется, что сам по себе вопрос о субъекте сепарации, какой бы ответ на него ни давали, в действительности значительно шире самой проблемы сепарации. Он в концентрированном виде выражает теоретические сложности рационального обоснования государственной власти как таковой — именно поэтому сам разговор о сепарации всегда сопряжён с возможностью применения самых крайних мер со стороны государства. Целью настоящей статьи является не столько определение возможного круга субъектов сепарации, сколько выявление тех фундаментальных противоречий современного государства, которые делают этот вопрос столь болезненным.

Прежде всего, следует определить то предметное поле и тот категориальный аппарат, в рамках которых мы рассматриваем проблему сепарации. Наиболее очевидным на первый взгляд кажется международно-правовой ракурс вопроса — сепарация в широком смысле представляет собой выход части территории из состава государства, что непосредственным образом затрагивает отношения, являющиеся предметом изучения науки международного публичного права. Однако в этом смысле проблема субъекта сепарации сводится к поиску нормативной конструкции, наиболее полно отвечающей современным реалиям взаимодействия национальных государств. Сепарация предстаёт неким дестабилизирующим фактором нормального правопорядка, а задачей права становится решение этой конфликтной ситуации с наименьшими издержками для всех задействованных лиц.

Однако нас вопрос сецессии и её субъекта интересует не с точки зрения места этих феноменов в фактически существующем нормативном поле — сецессию мы рассматриваем как явление, в котором проявляются сущностные свойства государства и права. Подтверждением такой оценки выступает практически полное отсутствие случаев успешных мирных сецессий — то есть сецессия это всегда чрезвычайная ситуация, где само действие права и функционирование государства ставятся под сомнение. В подавляющем большинстве случаев сецессия происходит вопреки воле «материнского» государства и в этом смысле представляет собой некий «конец права», фактическую отмену юрисдикции и разрушение правопорядка.

Для того чтобы теоретически осмыслить проблему сецессии, прежде всего необходимо отказаться от оценки сецессии как явления заведомо негативного. Сецессия есть лишь изменение политико-правового статуса территории и проживающих на ней лиц. Чрезвычайность этой ситуации существует только в рамках представления о действующем правопорядке как о «нормальном» состоянии, а его прекращении — как о катастрофе. Эти идеологические установки сами по себе не могут выступать в качестве предпосылок для анализа интересующего нас феномена. Поэтому теоретическое осмысление сецессии должно абстрагироваться от подобной аксиологии, отождествляющей эмпирически данное с должным.

Современная государственность возникла на обломках совершенно иного типа политических отношений, свойственного для *ancien regime*, где сложная система личных статусов выступала в качестве организующего принципа нормативной структуры социума. Феодалной полицентричной логике привилегий, определявших границы возможного поведения для индивида или группы в силу их особого статуса в социальной иерархии, идеологи нового времени противопоставили конструкцию централизованного национального государства как форму коллективного самоопределения принципиально равных субъектов, основанную на признании первичности индивидуального над общим, части над целым.

Идея равенства с необходимостью влекла за собой тезис о невозможности никакой власти за исключением той, которая коренилась бы в согласии подвластных. Жак-Жак Руссо писал: «Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то выходит, что основой любой

законной власти среди людей могут быть только соглашения» [5, с.155].

Ключевым документом, обозначившим это изменение способа мышления о политике, и превратившим теорию в практику, стала Декларация независимости американских колоний 1776 года. Освобождение колоний от владычества Великобритании произошло под знаменем борьбы за право на самоопределение. Важно отметить, что колонисты вплоть до Революции считали себя именно англичанами. Таким образом, самоопределение рассматривалось в отрыве от этнических, культурных и прочих особенностей самоопределяющейся группы. То есть самоопределение — это не какая-то специфическая возможность, принадлежащая заведомо определённым субъекту, но право, принадлежащее всем людям просто в силу наличия у них индивидуального сознания. Это вполне закономерно вытекает из вышеуказанного акцента на индивидуальной, а не коллективной свободе в рамках нового, либерального типа мышления. Таким образом, государством, наиболее полно в новое время отразившим новые, «антропоцентричные» принципы политики и права, стало государство, возникшее именно в результате сецессии — США.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что именно в рамках сецессии конструкция народного суверенитета проявляет себя с наибольшей очевидностью — если конкретный политико-правовой режим может легитимно существовать только для группы, добровольно возложившей на себя обязанность подчинения, а сама конструкция современного государства предполагает территориальный характер его юрисдикции, то единственной возможностью реального осуществления народовластия будет являться территориальное обособление. Вопрос состоит в том, о чём обособлении может идти речь?

В контексте современного понимания сецессии выход группы из состава государства означает одновременно переопределение существующих границ и создание нового государства (признаваемого или нет, в данном случае это не так важно). То есть в этом смысле сецессия есть прежде всего механизм присвоения некой группой людей участка земли с одновременным установлением на нём нового политического порядка (или присоединением к другому политико-правовому пространству). Вопрос, соответственно, стоит так — какая группа имеет легитимное право на объявление той или иной территории своей собственностью (не в специально-юридическом,

а в фактическом смысле контроля), предполагающей возможность ограничения посягательств на неё любых других лиц. Естественно, что этим вопросом задаётся, прежде всего, национальное государство, угрозу территориальной целостности которого представляет любая сецессия.

Однако дело в том, что сецессия в описываемом смысле является лишь методом и частным случаем *создания национального государства*. Таким образом, вопрос состоит в действительности в том, кто имеет право на создание национального государства, кто может претендовать на монопольный контроль над участком земного пространства? Но, сформулированный в таком виде, этот вопрос должен быть адресован не только сторонникам сецессии, но и сторонникам территориальной целостности существующих государств. То есть в этом отношении две стороны потенциального конфликта оказываются равными — определение возможного субъекта сецессии требует определения возможного субъекта государственности. Кроме того, государство представляет собой социальный институт, существующий как система отношений между физическими лицами, поэтому жизнь государства в действительности не делится на два самостоятельных этапа «возникновения» и «существования». «Возникновение» государства совпадает с его «существованием» в том смысле, что существование государства в каждый конкретный момент времени возможно только в силу сохранения такого типа отношений между индивидами, который мы называем государством. И сохранение этих отношений возможно только как их постоянное воссоздание. Иначе говоря, государство не возникает раз и навсегда — его легитимация (если государство претендует на легитимность) не может носить «исторического» характера, современная политическая ситуация не может быть объяснена событиями тысячелетней или десятилетней давности. Опасность сецессии состоит именно в том, что она ставит вопрос о легитимности — вопрос, на который менее всего стремится отвечать государство. Сецессия таким образом ставит под сомнение право государства выступать судьёй в собственном деле. Необходимо заметить, что требование сецессии вовсе необязательно должно быть сопряжено с критикой политического режима, от которого сепаратистская группа собирается отделиться. В рамках требования сецессии право на самоопределение выступает в своей чистой форме. Для сепаратистов государство утрачивает свою легитимность не потому что оно,

например, неэффективно, но просто потому что оно осуществляет свою власть вопреки воле соответствующей группы.

Таким образом, вопрос легитимации сецессии есть не более (но и не менее) чем вопрос легитимации государства как такового. Однако проблема состоит в том, что на практике в отношении государства этот вопрос не ставится. Собственно говоря, его некому ставить — если применительно к сепаратистам «обвинителем» выступает государство, опирающееся на свою собственную правовую систему, то в отношении самого государства подобного «обвинителя» просто нет. Нельзя ведь, в самом деле, полагать, что фундаментальные претензии к государственности как таковой будут высказаны со стороны международных организаций, само существование которых есть следствие воли на то национальных государств. Таким образом, мы не можем сослаться в обоснование субъектности на признание или непризнание международными организациями, так как субъектность должна выходить за рамки той системы отношений, угрозу существованию которой она фактически представляет.

По большому счёту такая субъектность вообще не может быть выведена из действующего позитивного права, так как последнее само является следствием какой-то уже образовавшейся субъектности. Пытаясь определить субъекта государствообразования исходя из позитивного права существующих государств (или наднациональных структур) мы ставим с ног на голову причинно-следственные связи — ведь сама действительность этих структур возможна лишь потому, что *сначала* возникает политический субъект, который впоследствии и дарует жизнь любым политическим и правовым институтам. Однако рассматривая проблему сецессии с позиций международного (и тем более — национального) права, мы помещаем себя в порочный круг тавтологии — субъектом образования государства выступает тот, кто признан в качестве такого субъекта государством.

Эта подмена, впрочем, вообще характерна для логики правового монизма (как оппозиции правовому плюрализму, признающему равнозначность позитивного права и любых иных социальных норм), для которой социальный порядок оказывается следствием существования государства — то есть реальные отношения оказываются в плену у отношений условных, абстрактных. Карл Маркс в своё время указывал на абсурдность этой идеи следующим образом: «Подобно тому как не ре-

лигия создаёт человека, а человек создаёт религию, — подобно этому не государственный строй создаёт народ, а народ создаёт государственный строй» [3, с.89].

Для того чтобы не оперировать абстракциями, необходимо помнить, что бытие государства есть всегда деятельность конкретных лиц, и никакого самостоятельного существования вне деятельности этих лиц государство иметь просто не может (кроме как в чём-то воображении). Следовательно, для решения вопроса легитимности мы вынуждены попытаться выяснить, из кого состоит группа людей, которые в конкретный момент времени составляют «человеческий субстрат» государства, и на чём основаны их претензии на политический контроль над данной территорией. Здесь возникает следующий вопрос — подразумеваем ли мы под государством в его человеческом измерении всех лиц, находящихся в пределах государственных границ, или же только тех, кто относится к аппарату государственной власти? Иными словами, *чьё именно* право на территорию ставит под сомнение попытка сепарации?

Если мы отождествляем человеческое измерение государства с аппаратом власти, то мы утверждаем идею, прямо противоположную основным законам большинства демократических государств, так как в таком случае мы сводим территорию государства к собственности отдельных лиц, осуществляющих управление и принуждение. Признание этого означало бы сохранение феодального типа отношений, отказ от которых и породил современное государство.

Поэтому интуитивно верным кажется первое предположение — в самом деле, подавляющее большинство современных государств принято рассматривать в качестве институционального оформления власти народа в целом, как политическое устройство, связанное с суверенным правом народа на самостоятельное решение своих вопросов. В таком случае, территориальная целостность означает принадлежность территории государства его народу. Однако этот тезис создаёт больше вопросов, чем даёт ответов. Самый важный из них — что именно мы называем народом?

В качестве такового не могут выступать граждане государства, так как отвечая таким образом, мы снова оказываемся в порочном круге — государство есть выражение воли народа, а народ есть категория, определяемая государством в законодательстве о гражданстве. Народ как субъект должен присутствовать (или быть хотя бы логически выводимым) *до и без* государства, что-

бы государство могло стать политическим его оформлением. Эта очевидная истина отражена во многих конституциях, в частности — конституциях России и США, где используются такие формулировки как «Мы, многонациональный народ...» и «We the people...», а вовсе не «Мы, граждане...». Но проблема состоит в том, что «граждане» — это во всяком случае категория, поддающаяся интерпретации в категориях социальной реальности. То есть мы хотя бы теоретически имеем возможность определить совокупность индивидов, описываемую категорией «граждане». Но в отношении категории «народ» сделать это абсолютно невозможно. Народ не описывается (и не может быть описан) в нормативных категориях, так как он предшествует нормативности — народ может быть только эмпирически данной реальностью. В этом смысле народ, фигурирующий как субъект государствообразования в конституциях, эмпирически нам не дан. Он является фикцией, так как любая попытка рационального схватывания эмпирического содержания этого понятия оборачивается провалом.

Как писал Герберт Маркузе, «...индивид, который в общем интересе постигает свой истинный интерес и желает его осуществления — такого индивида просто не существует» [4, с.281]. То есть попытка связать волю индивида с волей народа (вне спорадических периодов личной заинтересованности индивида в существовании «народа») оказывается заведомо несостоятельной, это отождествление может быть осуществлено только насильственно, что мы и наблюдаем в любом современном государстве.

Это прекрасно понимал ещё Руссо несмотря на свою склонность к «политической метафизике», проявляющейся в фигуре суверена, составленного из граждан, и обладающего «общей волей». Руссо, признавая невозможность автоматического, естественного возникновения подобного субъекта (народа), выводит его из согласия доселе автономных индивидов. Прочитируем этот фрагмент полностью: «Таким образом, прежде чем рассматривать акт, посредством которого народ избирает короля, было бы неплохо рассмотреть тот акт, в силу которого народ становится народом, ибо этот акт, непременно предшествующий первому, представляет собой истинное основание общества. В самом деле, не будь никакого предшествующего соглашения, откуда бы взялось — если только избрание не единодушно — обязательство для меньшинства подчиняться выбору большинства? и почему сто человек, желающих господи-

на, вправе подавать голос за десять человек, того совершенно не желающих? Закон большинства голосов сам по себе устанавливается в результате соглашения и предполагает, по меньшей мере единожды, — единодушие» [5, с.160]. Смысл фразы ясен — народ, если мы рассматриваем его не как социологическое, а как юридически значимое понятие, должен иметь основание, сводимое к воле составляющих его индивидов. Точно так же, как любая иная корпорация не возникает сама по себе и не включает в себя по своей воле (или в силу авторитетного мнения её апологетов) третьих лиц без их ясно выраженного на то желания, так и народ возникает и существует исключительно в силу взаимного согласия входящих в него индивидов.

Руссо кратко и точно формулирует как саму доктрину контракционизма, так и её неизбежную практическую неприменимость к тому типу отношений, которые мы привычно называем «государством». То, что теоретически делает существование народа возможным — «единодушие» — оказывается невозможным практически. В этом смысле Руссо пытается избежать этой проблемы, вводя уточнение: единодушие должно существовать «по меньшей мере единожды» для установления формально связывающего индивидов правила. Но дело в том, что «единожды» единодушие требуется для одного и того же круга лиц, включение же новых членов в политическую структуру договорного типа требует нового «единодушия». Ибо если мы признали невозможность связать индивидов без их согласия, эта логика должна быть распространена на всех людей, а не только на первое политическое поколение.

Так, если индивиды А, Б и В единодушно согласились, что они составляют такую корпорацию как народ, и что впоследствии решения, принятые среди них большинством, тождественны их решениям как корпорации и обязательны для её членов, то всё это имеет значение только для них самих. Для третьих лиц, например, индивида Г, эти действия и решения не могут порождать никаких последствий — например, он не может быть включён в этот союз в принудительном порядке независимо от числа добровольно входящих в него индивидов. Включение в эту структуру индивида Г потребует нового единодушного согласия по поводу тех же самых правил, но уже между А, Б, В и Г. Это прозрачное умозаключение почему-то утрачивает свою очевидность как только его применяют к государству — конструкция единодушия «по меньшей мере единожды» таинственным образом порождает для юридического

мышления вечные корпорации «народа» и «государства», чьи мистические тела возникают единожды и навсегда, заменяя в новое и новейшее время *corpus mysticum* Церкви. То есть требование согласия по какой-то причине теперь распространяется лишь на «отцов-основателей», согласие остальных не имеет никакого значения. Однако, как говорит и сам Руссо, «...если бы каждый и мог совершить отчуждение самого себя, то он не может этого сделать за своих детей; они рождаются людьми и свободными; их свобода принадлежит им, и никто, кроме них, не вправе ею распорядиться» [5, с.156]. То есть если мы признаём право лиц, голосовавших за ту или иную конституцию, соединиться под коллективным наименованием «народ», следовательно мы должны признавать такое право и за другими лицами. В частности, за теми, кто по тем или иным причинам за эту конституцию не голосовал.

Однако даже сам процесс принятия любой современной конституции явно не удовлетворяет требованиям Руссо — никто в наше время не требует единогласного принятия основного закона. Следовательно, остаётся открытым вопрос о том, по какой причине лица, не голосовавшие за конституцию, объединяются в принудительном порядке с теми, кто за неё голосовал.

Таким образом, любая конституция осуществляет инверсию — народ, который должен был принимать конституцию, превращается в креатуру самой конституции — иначе просто невозможно объяснить причину, по которой «народ» включает в себя противников конституции, а также лиц рождённых после её принятия. Эта инверсия становится очевидной, если мы отнесёмся, например, к тексту Конституции Российской Федерации всерьёз — преамбула этого документа включает в себя следующую конструкцию: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». Гражданин РФ, рождённый, например, в 1995 году, при чтении этих строк оказывается в странной ситуации — так как он в 1993 году не имел решительно никакой возможности участвовать в принятии этого акта, то множество, определяемое фразой «мы, многонациональный народ», никак не может его в себя включать. С другой стороны, было бы странно полагать, что Конституция является актом, принятым одними лицами для совершенно других лиц — например, одним народом для другого народа. Однако фактически именно эта ситуация и имеет место — Конституция претендует

на юридическую силу в отношении лиц, которые её не принимали. Она фактически (посредством статьи 3) просто *объявляет* этих лиц народом. Этот эффект инверсии оказывается тем более очевидным, чем древнее акт — в частности, в отношении конституции США эту проблему в 60-х годах XIX века описал Лисандер Спунер^[11, 12].

Признавая право одних лиц создавать политические институты для других лиц, мы с необходимостью приходим к отрицанию чего-либо права на самоопределение. Но именно это право и лежит в основе любого государства, претендующего на демократический характер.

Не имеет совершенно никакого значения предоставляемая конституцией возможность изменения этого акта, поскольку принципиальным является вопрос о его легитимности вообще. Так, например, возможность, предусмотренная договором, для того или иного лица участвовать в процедурах по внесению изменений в условия этого договора, не является свидетельством того, что это лицо вообще является стороной этого договора, и что положения этого договора являются для этого лица обязательными. Существенное значение имеет только вопрос о том, заключало ли лицо данный договор. Но в отношении такого акта как конституция мы по какой-то причине исходим из презумпции его обязательности. Очевидно, что такая презумпция делает бессмысленным положение самой конституции о народном суверенитете, так как если юрисдикция той или иной политической структуры не вытекает из моей действительной на то воли, то следовательно источником власти в рамках этой политической структуры являюсь не я, а кто-то другой. Но в таком случае я не отношусь и к общности «народ», так как именно он, с точки зрения конституции, является источником власти. То есть презумпция обязательности конституции есть одновременно отрицание права на самоопределение.

Но в таком случае и у лиц, принимавших участие во всенародном (!) голосовании, в свою очередь тоже не могло быть права принимать акт политического самоопределения. В самом деле, нельзя ведь утверждать, что, например, у людей в 1993 году было больше прав, чем у нас самих в настоящий момент. Томас Джефферсон выразил эту мысль следующим образом: «...Ни одно общество не может создать вечную конституцию или вечный закон. Земля всегда принадлежит живущему на ней поколению»^[13, с.121].

К сожалению, наиболее типичным ответом на указанные выше противоречия в логике сов-

ременного демократического конституционализма является ссылка на «здравый смысл» — у нас отсутствует техническая возможность обеспечить реально действующий (а не используемый в качестве риторического приёма) договорный механизм, и потому народом следует называть некую непрерывную «культурно-историческую общность», к которой конкретный индивид приписывается автоматически. Следует задать один вопрос — почему в отношении сецессии мы предъявляем к субъекту требования легитимации со всей серьёзностью, тогда как в случае с существующим государством мы руководствуемся эфемерным «здравым смыслом»?

Гегель, являясь противником сведения государства к воле народа и противником договорной трактовки природы государства, вполне откровенно указывал на идеологическое значение этой отсылки к здравому смыслу: «Вообще же чрезвычайно существенно, чтобы государственное устройство, хотя оно и возникло во времени, *не* рассматривалось как нечто *созданное*, ибо оно есть совершенно нечто в себе и для себя сущее, которое поэтому должно рассматриваться как божественное и пребывающее, стоящее над всем тем, что создаётся»^[1, с.314].

Высказывание Гегеля вполне современно — действительно, чтобы увековечить политическое устройство, нужно объявить его если не «божественным», то во всяком случае «пребывающим» вне конкретных режимов и форм принуждения. Если мы верим в существование вечной корпорации «народа» и его «государства», то на практике мы объявляем таковыми фактически существующее государство и конструируемый им законодательно народ. Однако в саму посылку — самостоятельное существование этих феноменов — мы должны именно поверить, так как, собственно говоря, никаких альтернатив государство и не предоставляет. Оно осуществляет свою власть независимо от степени убедительности аргументации, приводимой в пользу легитимности (или её отсутствия) действующего правопорядка.

Таким образом, то, что представляет теоретическую трудность для теоретиков сецессии — определение требований, предъявляемых к её субъекту, совсем не вызывает затруднений у сторонников целостности территории государства. Однако эта разница «эпистемологических статусов» имеет место не в силу убедительности аргументов этатизма, но лишь в силу того, что возможность принуждения со стороны государ-

ства избавляет от необходимости кого-то в чём-то убеждать.

Подводя итог, следует заметить, что ситуация сепарации в действительности не является чем-то чуждым логике современной государственности. Сепарация — необходимое явление для системы политико-правовых отношений, основанных на территориальном принципе организации государственной власти. В той мере, в какой государство претендует на власть, производную от воли населения, оно само в основе своей имеет сепарацию (если не исторически, то концептуально) — территориально-политическое самоопределение людей в виде государства с неизбежностью влечёт территориальное обособление этой группы.

Проблема субъекта сепарации таким образом сводится к проблеме легитимности — никаких специальных нормативных требований к субъекту сепарации предъявить не представляется возможным, так как ключевой «стадией» самоопределения выступает как раз самоосознание индивида или группы как самостоятельных акторов истории, выходящих за пределы ограничений, налагаемых существующими рамками власти и права. То есть образование любого государства возможно только в силу естественной, не связанной ничем, фактически существующей свободы самоопределения индивидуального сознания и воли. Самоопределение носит «прото-правовой» характер, являясь не следствием права, но его предпосылкой. В этом смысле любые формы санкционирования самоопределения правом (например, в случае колониальных территорий) в лучшем случае имеют «догоняющий» характер, отражая в позитивных нормах свершившийся факт или предуготовленную историей его возможность.

Затруднение состоит только в том, что практическое последовательное воплощение в жизнь логики самоопределения оказывается факти-

чески несовместимым с эмпирически данными формами организации государственной власти. Возможность выхода любой группы субъектов из состава государства делает бессмысленными все те стандартные практики регулирования отношений, к которым прибегает государство. Неудивительно поэтому, что несмотря на формальное признание принципов самоопределения, народовластия и т.д., государство на протяжении всей своей истории жесточайшим образом противостоит любым посягательствам на его территориальную гегемонию. Но это есть лишь следствие общего стремления государства расширять степень своего вмешательства в жизнь индивидов — даже государство, возникающее из добровольного согласия, постепенно приобретает репрессивную форму.

Сепарация, утверждая принцип легитимности государства как такового, ставит под угрозу существование конкретного государства. Из чего можно сделать вывод о том, что конкретное историческое государство в своей практике отрицает те теоретические положения, на которых оно основывает свои претензии на власть. Сепарация же представляет собой спонтанную попытку восстановления идеалов народовластия и самоопределения, попытку возвращения политического устройства от абстракции государства к своему действительному, материальному субстрату — конкретным индивидам и их добровольным объединениям.

Перефразируя Маркса, можно сказать, что сепарация выражает истину государства, состоящую в его добровольном характере. Фактически же существующее государство является отрицанием этой истины — запрещая сепарацию, оно тем самым выполняет функцию насильственной консервации отношений власти и собственности в пользу политически и экономически привилегированных групп.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
2. Декларация независимости / Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О. А. Жидкова. М., 1993.
3. Маркс К. К критике гегелевской философии права / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010.
4. Маркузе Г. Разум и революция. СПб., 2000.
5. Руссо Ж. — Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. / Руссо Ж. — Ж. Трактаты М., 1969.
6. Beran H. A Liberal Theory of Secession // Political Studies. Vol.32. 1984. Pp. 21–31.
7. Brilmayer L. Secession and Self-Determination: A Territorial Interpretation // Yale Journal of International Law, 16. No.1. 1991. Pp. 177–202.

8. Buchanan A. *Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec.* Oxford, 1991.
9. Christiano T. A Democratic Theory of Territory and Some Puzzles about Global Democracy // *Journal of Social Philosophy*, 37. No.1. 2006. Pp. 81–107.
10. *Secession. International Law Perspectives.* Ed. by Marcelo G. Kohen. N.Y., 2006.
11. Spooner L. *No Treason. No. I, II / The Lysander Spooner Reader.* San Francisco, 1992.
12. Spooner L. *No Treason. No. VI.* Boston, 1870.
13. *The Writings of Thomas Jefferson. Vol.V.* N.Y.: The Knickerbocker Press, 1895.
14. Wellman C. H. *A Theory of Secession.* N.Y., 2005

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava.* M., 1990.
2. *Deklaratsiya nezavisimosti / Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'stvo.* Pod red. O.A. Zhidkova. M., 1993.
3. Marks K. *K kritike gegelevskoi filosofii prava / Marks K. Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannye filosofskie raboty.* M., 2010.
4. Markuze G. *Razum i revolyutsiya.* SPb., 2000.
5. Russo Zh.— Zh. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava.* / Russo Zh.— Zh. *Traktaty M.*, 1969.
6. Beran H. *A Liberal Theory of Secession // Political Studies.* Vol.32. 1984. Pp. 21–31.
7. Brilmayer L. *Secession and Self-Determination: A Territorial Interpretation // Yale Journal of International Law*, 16. No.1. 1991. Pp. 177–202.
8. Buchanan A. *Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec.* Oxford, 1991.
9. Christiano T. A Democratic Theory of Territory and Some Puzzles about Global Democracy // *Journal of Social Philosophy*, 37. No.1. 2006. Pp. 81–107.
10. *Secession. International Law Perspectives.* Ed. by Marcelo G. Kohen. N.Y., 2006.
11. Spooner L. *No Treason. No. I, II / The Lysander Spooner Reader.* San Francisco, 1992.
12. Spooner L. *No Treason. No. VI.* Boston, 1870.
13. *The Writings of Thomas Jefferson. Vol.V.* N.Y.: The Knickerbocker Press, 1895.
14. Wellman C. H. *A Theory of Secession.* N.Y., 2005